

Катерина Файн
ГУЛЬКИН НОС

На самом деле, я очень доверчива. А еще впечатлительна и застенчива до крайности. Отдельные личности, кто половчее, этим, конечно, пользуются, вешают лапшу на бедные мои уши, отчего торчат они в разные стороны, как ручки тефлоновой сковородки. Вот и теперь: О. говорит, что я непременно должна роман написать. Лучше – два. И пьесу про лесбиянок, потому что так модно. Вообще-то, О. много чего говорит, особенно по телефону. Каждые три часа в его несерьезной голове затеваются грандиозные проекты в области культуры: то театр сочинит, то статью учудит, то директором «Петрополя» назовется. Л. полагает, что если бы О. не было, мы бы его придумали. Весело! Кстати, для этого самого «Петрополя» я и пишу. Пьеса, как видно, не пройдет, поскольку главный редактор и муж по совместительству ужасно боится нехороших слов, коих в пьесе аж целых... Приходится внимать советам О. Но тут возникает вопрос – о чем? о чем писать? Бывший супруг Н. считает, что писать следует о себе. Как Лимончик. Или Рыжий. Но у них-то все хреново было, а у меня – нет. У меня наоборот – все в кайф. Потому что премии дают, в журналах толстых печатают и пьесы ставят. А еще муж любит. Ну, не свинство ли?! Хотя, иногда мне кажется, что терпение его скоро лопнет.

– Ты злая, жестокая, неблагодарная девочка, всякий раз норовишь ужалить, но я все равно люблю тебя! – хнычет К. – Господи, как я понимаю Н.! Ты маленькая, несносная дрянь, используешь людей в своих целях, ругаешь Линду Йонненберг, а сама ничуть не лучше!

Последний русский авторитет К. явно недоволен. Потому что я не строюсь. Чувствуются пробелы в воспитании. Меня избаловали родители, детсад, институт культуры, любовники, наконец, послушный Н. И все-таки К. довершил мое растление. Еще бы! Я даже не помню, какой нынче год, не то, чтоб число! Это называется стиль укиё – когда живешь ради момента, обращаешь внимание на красоту луны, снега, цветущих слив и кленовых листьев, распеваешь песни, наслаждаешься вином и отвергаешь уныние. Во всяком случае, так рассуждают мудрые японцы.

– Видишь ли, дорогой, как не прискорбно – что имеешь, тем и платишь, – резюмирую я вчерашнюю стычку.

К. мрачен. Он не любит, когда спорят. Он любит, когда хвалят. А я почему-то ругаю.

– Ты обленилась окончательно! Ни фига не делаешь. Пьесу в марте дописала! – орет К. – Я пожалуюсь твоей маме!

Бедная мама! Как хорошо, что мы живем врозь. Впрочем, я действительно ленива. «Ленива настолько, насколько талантлива», – заметил невнятный С., мастер курса, режиссер и педагог с маленькой буквы. Он целовал мне руку, глотал валидол и грязно ругался, когда я бежала от его сумасшествий по Кантемировской лестнице, недоучившись совсем чуть-чуть. Наверное, в его жизни не было ярких историй, поэтому он часто вспоминал: ранее утро, весна, лед на Неве почти растаял, С. плывет вдоль набережной, рядом шагает возвышенный П. и четко поставленным голосом выдает фразу, понятную разве что театральным критикам: «Люди, смотрите! Перед вами новый Мейерхольд, наследник традиций дель арте и биомеханики!»... Маленький, смешной, в красном шарфе и немыслимой шляпе... Милый, милый С.! Где вы сейчас?

Я гуляю. Раньше я гуляла школу, работу, курсы повышения библиотечного труда, теперь я гуляю жизнь. Я выгуливаю ее, как зайца на поводке – экзотично, неспешно, красиво. Аллеями Царскосельского парка, дорожками Кадетского бульвара и лужами улицы Ломоносова. Я – королева своего времени. Трудно быть королевой... Я стою возле Грота, у самой воды и размышляю: два с половиной столетия назад на этом месте императрица кормила лебедей, издавала указы, сочиняла пьесы... Теперь ее тезка бросает хлеб разжиревшим уткам, и ветер осенний приносит запах роскошной еды с берега напротив. Ресторанный шатер кирпичного «Адмирала» уже пуст; лето – промежуточная жизнь! И с этим ничего не поделаешь...

А еще я выбрасываю разные нужные вещи и покупаю ненужные. Например, бамбук в деревянном горшке, который приносит счастье. Теперь он живет в ванной и требует особого ухода. А все, что требует особого ухода, вызывает у меня приступ лени и чахнет на глазах. Мое счастье чахнет у меня на глазах.

– Два литератора не могут существовать в пределах одного дома, – заявляет К., уплетая горячий бутерброд под вязкие звуки рекламы в третьем часу ночи. – С тобой сложно. Ты отказываешься меня слушать, а я предпочитаю, когда девушки смотрят мне в рот.

– Именно этим я и занимаюсь последние двадцать минут, – отвечаю я, прикладываясь к очередному мартини.

– Лучше бы ты пела, – вздыхает измученный мной и запоздалым бутербродом К.

– Я уже пела. В десятом классе. Учителю музыки становилось дурно. Хочешь послушать? – улыбаюсь я.

– Лучше утром, – зевает К. и отправляется спать, вручая мне черного котика по имени Станиславский. Это мой друг. У нас полнейшее взаимопонимание и даже любовь. Считается, что котик у меня на посылках. Кроме того, он дополняет таинственный образ своей хозяйки: заброшенный сад, обветшалый дом, скрипучая дверь и кот на печи...

– Не демонизируй свою личность, – шепчет К. из-под подушки, когда в доме гаснет свет через две минуты после моего сообщения об этом. – Ты притягиваешь ситуацию, – раздраженно вещает К. – Убери кота!

Но дело, разумеется, не в коте. Просто местность, где я обитаю, имеет свои секреты и странности. Например, существует легенда, что Камерон, соорудивший парк, был масоном высокой степени посвящения, и три постройки – пирамида, «Шапель» и главные ворота дворца – образуют точный треугольник – какой-то масонский знак. А в башню-руину лучше вообще не ходить, особенно в полночь, потому что там собирались масоны для уединенных молитв. Один Известный Художник рассказывал, что до войны в часовне стояла огромная беломраморная статуя Христа, исчезнувшая, к сожалению, после. Вот бы ее найти!

– Что ты там пишешь? – вездесущий К. подглядывает в щелку. Читать ему не позволено.

– Уйди! Ради Бога, уйди! – говорю я, захлопывая Word у него перед носом. Вчера одуревший от любопытства К. пытался торговать рукопись, и я почувствовала себя Настасьей Филипповной. Новоявленный Рогожин, как факир, достал из рукава хрустящую купюру и бросил на компьютерный стол. Мышкин в лице Станиславского замер в районе принтера.

– Мало! – заверещала Настасья-Файн. – Столько, столько и еще полстолька, – обнаглевшая Филипповна вошла в раж. – Искусство не покупается!

– Но продается! От гонорара «Знамени» ты почему-то не отказалась, – справедливо заметил К.

– Просто он был намного скромнее. Скромность украшает, – гордо отвечаю я, нажимая кнопку «escape». Главный редактор удаляется страдать в телефон. Это любимое занятие всех главных редакторов. Сначала он переболтал с Одним Известным Художником, поведал ему про его гениальность, потом с писателем О. обсудил его же статью в «Аргументах», потом позвонил окрыленный Ю. и весело сообщил, что мою пьесу репетирует второй состав.

Иногда мне жаль несчастного К., ведь я и вправду ничего не делаю, а он работает – вечера, презентации, книжки, изданные им в количестве двухсот сорока наименований, тиражом столько же экземпляров каждая... К. очень гордится своей издательско-некоммерческой деятельностью и требует уважения к пыльным пачкам, хранящимся на «Пушкинской, 10». Еще он гордится десятком пьес, три из которых все-таки поставлены.

– Вот, объявили национальным латышским драматургом... Две пьесы в одном театре... В России меня не понимают, только латыши, – кокетничает К. с кем-то по телефону. На самом деле, не все так плохо. Просто некоторым людям необходимо участие в виде сочувствия, чтобы их непременно гладили по голове.

– Уезжаю в Ригу. Вернусь через неделю, будь умницей. Что тебе привезти? – спрашивает К., собирая дорожную сумку.

– И то, и то! – бодро изрекаю я, заранее представляя, как оттянусь в одиночестве.

Надо сказать, что К. большой путешественник: Рига, Хургада, Палермо, Сиде, – не самые худшие места на карте... Однажды позвонил Знаменитый Петербургский Поэт Р., обитающий нынче в Москве, попросил о встрече «по очень важному делу», пригласил в «Звезду». Мы помчались. Знаменитый Поэт был не вполне трезв, хотя излагал красиво и внятно:

– Мы поедем с тобой в Аризону! Будем преподавать литературу в Тусонском университете, заработаем двадцать пять тысяч долларов! Ты был в Тусоне? Нет? Ты что! Это чудное место. Мы будем жить там целый семестр! – надрывался Р., бросая косые взгляды из-под мощных бровей в мою сторону. Некоторое время воодушевленный К. ходил под большим впечатлением, и даже прикидывал, куда потратит свои гонорары. Я вспомнила прошлогодний приезд Р.: он позвонил так же внезапно. В этот момент К. вышел в сарай за дровами. Р. поинтересовался: «У вас что, нет парового отопления? Вы до сих пор живете в избе?» Часы показывали полночь, градусник – минус двадцать пять, и я очень устала. Кажется, тогда я ему нахамила. Сейчас мне стыдно, и даже не потому, что он – Знаменитый Поэт Р., а просто оттого, что он пожилой человек. В общем, позже выяснилось, что некто З., который якобы должен организовать Тусонский университет, вообще не в курсе фантазий Знаменитого Поэта... Се-ля-ви! Ох, уж эти поэты! Блуждающие существа. Лучше держаться от них подальше. И главное – ни в коем случае не выходить за них замуж!

...Странно, но мне никогда не везло с мужиками, я с ними просто не совпадала. Когда я любила Д., он обожал свою жену, а во мне видел только ее копию десятилетней давности; потом я любила Н. – он любил свое несравненное «я», и это извинялось его гениальностью. «Мне нравятся девушки с красивыми мозгами», – говаривал он, внушая девушкам полнейшее несоответствие. Когда я встретила В., поняла, что он вообще никого не любит, а барышни нужны ему для вдохновения, чтобы ваять нетленные полотна, и их же, барышень, потом заманивать посредством этих полотен. Удивительный круговорот, подтверждающий цели искусства! Теперь я живу с рассудительным К., который любит вообще всех, а я люблю только себя. Можно писать «роман несовпадений». А лучше пьесу про лесбиянок. Тем более, что некоторые девушки мне нравятся. Например, М., просто потому, что она М., и больше я о ней ничего не знаю. Мы общаемся на разных языках и не ищем встреч. Каждый день открываем разные двери, ибо у каждой свои задачи. Так бывает. Мы живем в разных городах, странах, и, судя по слухам – на разных материках. Когда-то давно мы были подругами, потом М. вышла замуж за убийцу своего отчима, развелась, вышла замуж за финна, потом за немца, потом за американца... Она практиковала мой старый постулат – если не тянет венчаться, пора разводиться. Теперь она живет в Австралии, где скачут кенгуру, гуляют пингвины, и мишки коала, поедая листья эвкалипта, никогда не болеют насморком... Ради М. и пингвинов я готова на все, даже посетить далекий континент...

– Здравьте, это поэтесса Файн? – девичий голос в трубке слегка картавил и, кажется, был пьян.

– Кто ее спрашивает? – взглянув на часы, свирепо прошипела я.

– Это Т., помнишь меня?

Я, разумеется, помнила. Далее следовал вопрос-монолог, из которого можно понять, что я – последняя тварь, получившая от К. все, о чем бывшей моей сокурснице даже мечтать не приходится, включая связи, знакомства, путешествия и т.д. Вывод оказался настолько странным, простым и нелепым, что от неожиданности я уселась на горячий системный блок.

– Ты там, в институте, писала сценарий праздника улицы Рубинштейна. Не будь сукой, делись!

Наверное, этот сценарий так меня прославил, что после него еще лет двадцать можно смело ничего не писать... И правда – зачем? Вообще, меня все время спрашивают: зачем? Например, зачем я пришла. Или ушла. Или стою здесь, а не там. Зачем? Зачем я не пою? Или не пляшу? Или не рисую? Почему я пишу? Не знаю, честное слово, не знаю. Может, это наследственность дурная? Каждый день в нашей семье что-то писали. Дедушка, старый большевик, набрав каких-то повышенных обязательств, писал конспекты докладов и отчеты

о выполнении плана. Бабушка, худенькая пенсионерка, поклонница Библии и Есенина, строчила жалобы в ЖЭК и длинные письма многочисленным родственникам, хотя к тому времени уже изобрели телефон. Мама непрерывно заполняла квитанции на подписку газет и журналов, а папа каллиграфическим подчерком вносил крючковатые знаки в специальную нотную тетрадь. Дедушка называл папу космополитом, и я до сих пор уверена, что это заместитель космонавта по политической линии... Впрочем, я отвлеклась. Я пишу. К. говорит, что я делаю дистиллированный текст. Имеется в виду, что я долго сижу над одним предложением. Вот и написала с гулькин нос. А Линдик наш, умница, третий роман замышляет! Интересно, с кем она нынче ляжет? В постели с Х. уже было, с Г. тоже. Жалко ее...

Ветер. Я стою у окна, рассматриваю паутину меж стекол, и не хочу спать. Занавески трепещут, касаются тонких плеч легко и щекотно. Думаю о себе: какая я, почему здесь, и что будет дальше. Жасминовый куст нагло лезет в форточку и пахнет такпряно, что хочется выскочить и съесть его целиком. Плюшевый пингвин игрушечно дремлет в кресле. Котик сопит на моей подушке, К. читает дневники Толстого. Я одна. «Хорошо бы завтра встать часов в девять», – проговариваю вслух, набрасывая красное одеяло. Теперь я похожа на египтянку. На девочку-служанку в национальном костюме. Она надевала его по средам и курила кальян. Я тоже курила кальян. Становилось тепло и вдохновенно-радостно. Теперь я ложусь спать, а она там, в Африке, собирает со стола грязные тарелки... «Вряд ли я встану в девять... А она будет ставить на стол чистые уже в восемь», – вяло рассуждаю я, укладываясь неподалеку от черного котика. Во сне он дергает лапкой и охотится на мои пятки. Интересно, кто снимает сны для котиков? Ведь кто-то же их снимает, а потом показывает.

...Я проснусь в полдень под звон большого колокола Софийского собора Лейб-гвардии гусарского полка, основанного лично императрицей Екатериной II. Проснусь так же, как просыпалась все эти полтора года: в маленькой комнате, заваленной книгами, картинами и альбомами по искусству. Это будет уже сегодня. Новый день, новые люди, новые встречи протиснутся в дверь, и войдут беззаботно и шумно. А вечером побегут на последнюю электричку, обещая заехать как-нибудь на недельке. И все в моей жизни будет по-прежнему: пьесы, журналы, верстки. Вечера, презентации, книжки. И опять все будет по-разному: завтра, вчера, сегодня...

2005